

Излагается новый подход к проблеме природы агломераций в современном мире, специфически-национальные характеристики агломераций. Анализируется процесс градообразования в России. Подчеркивается процессуальный характер агломерирования, разнокачественность агломерации и конурбации. Характеризуется связь советского подхода к городу и деревне и современного состояния процессов в современной России.
Ключевые слова: система расселения; агломерация; конурбация; мегалополис; пространственное развитие; город; поселение. /

The article presents a new approach to the issue of agglomerations in the contemporary world and gives specific national characteristics of agglomerations. The process of town formation in Russia is analyzed. The article points out the procedural nature of agglomeration and different qualities of agglomeration and conurbation. It speaks about the correlation between the Soviet approach to the city and the village and the current processes in today's Russia.

Keywords: settlement system; agglomeration; conurbation; megalopolis; spacious development; town; settlement.

Агломерации: мнимое и реальное / Agglomerations: the Imaginary and the Real

текст
Андрей Бокон /
 text
Andey Bokov

Агломерация в представлениях

В лексиконе российских архитекторов и градостроителей слово «агломерация» появилось во времена хрущевской оттепели вместе со множеством других до того неведомых слов, понятий и представлений. Зарождающаяся в те годы архитектурная наука не только охотно вбирала ставший доступным зарубежный опыт, но, в соответствии с установленным порядком, проводила его жесткую селекцию и давала ему строгую оценку. Отношение к агломерации в духе того времени носило нейтрально-скептический характер, то есть не было ни агрессивно-негативным, ни, тем более, сочувственным. Об агломерациях разрешалось говорить, как о чем-то любопытном, но не имеющим к нам прямого отношения, то есть возникшем в результате стихийного или неуправляемого роста капиталистического города. Образцовому социалистическому городу, каким была Москва, хотелось быть большим, даже, возможно, самым большим в мире, но при этом оставаться полностью управляемым и строго ограниченным. Институт прописки и генпланы с жесткими параметрами до последних дней советской власти сдерживали рост городов и препятствовали появлению огромных нерасчлененных, сплошь застроенных территорий. Следы этих усилий сохранились до наших дней в административном разделении столицы и области. С обрушением этих и иных барьеров, с ослаблением административного контроля агломерации становятся и российской реальностью.

К концу третьего десятилетия истории новой России у лиц, принимающих решения, складывается свое, отличное от советского, отношение к агломерации. Агломерации представляются признаком успеха и принадлежности к привилегированному клубу мировых лидеров, а место страны в современном мире связывается с числом и размером агломераций. Агломерации рассматриваются как нечто неизбежное, желательное и прогрессивное. Остальные формы пространственного бытия оцениваются и существуют по «остаточному принципу», памятному с советских времен. Идея приоритетного развития 12–14 крупнейших российских агломераций, предложенная на ранних этапах работы над Стратегией пространственного развития (СПР), к моменту завершения этой работы

хоть и была приглушена усилиями сторонников политкорректности, но в основном сохранилась, продемонстрировав завидную устойчивость.

Предметом особой гордости российской власти, как и прежних властей, является Москва и столичная агломерация – бесспорно, явление мирового уровня, на которое предложено равняться остальным. Московская агломерация, сложившаяся в последние десятилетия, силою многих совпавших обстоятельств ставшая абсолютным лидером и рекордсменом по большинству показателей – от численности населения до ВВП на душу – все чаще рассматривается как пример реализации успешной политики, которую можно записать в актив.

Агломерация, или некий сверхгород, супер-город, оказалась прочно встроенной не только в картину мира и систему ценностей, но стала все чаще фигурировать в заявлениях официальных лиц и во все большем числе официальных и квазиофициальных документов. Судя по тому, что число агломераций, обнаруживаемых разными авторами в российском пространстве, отличается даже не в разы, а на порядок, каждый понимает это явление по-своему. Отсутствие попыток разобраться в феноменологии российских агломераций и дать им внятные и аргументированные определения странным образом не вызывает у использующих этот термин, ощущение дискомфорта.

Причиной тому – характерный тип сознания активных сторонников и адептов агломерационной идеи из числа российских менеджеров и людей бизнеса. В отличие от своих западных и восточных коллег, российские топовые фигуры отличаются отчетливым неприятием научного знания и склонны предпочитать простые и универсальные решения, во многом сходные с теми, что были популярны во времена СССР. Признаки этого сознания проявляются в двух особо значимых для судеб агломерации случаях: при анализе существующего положения и при формировании образа будущего. Картины настоящего и будущего сегодня строятся с использованием особой «оптики», неких усредненных и трудно верифицируемых отвлеченных показателей, самым популярным из которых является ВВП на душу населения. Обе картины предстают в виде суммы фрагментов,

^ Основное ядро
 Иркутской агломерации:
 вид из космоса

произвольно выбранных, плохо взаимосвязанных, меняющихся в зависимости от конъюнктуры. Выбираемые и предпочитаемые показатели и фрагменты, как правило, не коренятся в природе, феноменологии агломераций, остающейся загадкой. Характерны и способы предъявления видения настоящего и будущего, практически исключая изображение и отражение физической реальности. Слова и скупые цифры вытеснили карты, планы и зримые образы.

С другой стороны, сущностные, содержательные, концептуальные модели вроде модели микрорайона или города-спутника, вытеснены наглядными примерами и образцами. Взгляды нынешних управленцев и представителей бизнеса обращены к Москве и отмечены характерным «москвоцентризмом». Все, что хорошо для столицы, полагается приложимым ко всему остальному, что есть в России. Привлекательность такого подхода заключена еще и в том, что московская действительность легче сопоставима с «позитивными мировыми практиками», которые оказывают существенное влияние на картины настоящего и будущего необъятной страны. Новое сознание новой российской элиты – и «молодых технократов», и старых управленцев – воздействует на представления об агломерациях больше, чем реальность. А поскольку сведения о реальности не всегда оправдывают ожидания, да к тому же требуют значительных и непростых усилий, которые не всегда принимаются, разрыв между тем, что есть на самом деле и представлениями неизбежен.

Специфичное отношение к настоящему сочетается с отсутствием внимания к будущему, которое так волновало в недавнем коммунистическом прошлом. Стратегическое видение того, что может произойти за пределами двух-трех лет, не вызывает особого интереса. Прошлое, настоящее и будущее в сознании многих управленцев сегодня мало связаны. Причины прошлых успехов и неудач, как и последствия принимаемых сегодня решений, волнуют совсем немногих. И опыт, и концептуальное видение будущего утрачивают ценность и значение.

Все это объясняет очевидную неопределенность понятия агломерации и возможную заинтересованность в такого рода неопределенности представителей бизнеса и управленцев, стремящихся избежать любых ограничений и сохранить понятные им инструменты контроля и управления. Профессиональное сознание устроено иначе и склонно к преодолению неопределенности, что, в конечном счете, представляется выгодным для всех.

Агломерации: размер имеет значение

Город, каким он казался, был, проектировался, строился и развивался в XIX и XX столетиях, город как некая противоположность деревни и воплощение всего передового и нового, себя исчерпал. Слово агломерация стало словом-символом, воплотило ожидание и предчувствие чего-то иного, выбрало то, что не укладывалось в привычное понятие города, района, деревни и т. п. Символическое бытование сообщило агломерации черты и признаки сверхбольшого города, окончательно победившего деревню, ставшего неизбежным итогом процесса урбанизации и следствием окончательной победы городского образа жизни. При упоминании агломерации в сознании энтузиастов агломерационной модели возникает образ Москвы с ее окружением и всего того, что в той или иной степени приближается к столице, то есть может претендовать на титулы «крупная» и «городская».

В сознании и управляющих, и обывателей, и профессионалов, в справочниках и словарях понятия «агломерация» и «большой город», или «мегаполис», практически неразличимы, а при упоминании Большого Лондона или Большого Парижа исчезают последние сомнения

в каком-либо отличии этих гигантов от агломераций. Тем не менее, эти отличия существуют, и главным из них является то, что большой город имеет четкие и устойчивые искусственные административные границы, отражающие баланс интересов, а агломерации не имеют устойчивых границ: их границы подвижны, они ближе к тому, что принято считать «реальным» городом. Пространство агломерации наделено внутренней связанностью, опирающейся на эффективный коммуникационный каркас, при этом территориальные компоненты агломерации могут обладать высокой степенью административной и пространственной автономии. Иными словами, агломерация – не огромный город, но, в первую очередь, система расселения.

Гигантский разросшийся, расплзающийся во все стороны сверхгород, поглощающий малых соседей, не единственный и, возможно, не идеальный представитель семейства агломераций. Понятие агломерации не содержит само по себе оценочных суждений и является предельно широким, обозначающим лишь сообщество нескольких поселений, сохраняющих относительную независимость. Агломерация – это связи и отношения элементов, безразличные к их параметрам, количественным и качественным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИ АГЛОМЕРАЦИЕЙ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ И РЯД ПОСЕЛКОВ, ИДУЩИХ ВДОЛЬ ОДНОЙ МАГИСТРАЛИ, И МОСКВА С ЕЕ ОКРУЖЕНИЕМ. ПОНИМАЕМЫЕ ПОДОБНЫМ ОБРАЗОМ, Т. Е. ШИРОКО И НЕПРЕДВЗЯТО, АГЛОМЕРАЦИИ ЛИШАЮТСЯ ОСНОВАНИЙ БЫТЬ БЕЗУСЛОВНЫМИ ЛИДЕРАМИ, «ТОЧКАМИ РОСТА» И ОАЗИСАМИ БЛАГОПОЛУЧИЯ.

Каждая страна выстраивает сегодня собственную стратегию и политику пространственного развития и агломерирования, определяет параметры, направления и инструменты этого процесса. В итоге скандинавские или швейцарские агломерации имеют мало общего не только с китайскими, но и, например, с североамериканскими. России работа такого рода только предстоит, и ее успех будет определяться не столько заимствованием чужого опыта, но внимательным погружением в собственную действительность и выбор точных решений.

Впреки устойчивым представлениям, агломерация и агломерирование не столько объект и некая сложившаяся конструкция, сколько процесс, идущий непрерывно и постоянно, ведущий к интеграции местных и локальных систем, хотя и живущих по своим правилам, но имеющих много общего.

Поселений, не связанных с внешним миром, отрезанных от основных коммуникаций и узлов, то есть неагломерированных, в современном мире становится все меньше. Отличия заключаются лишь в степени агломерированности или эффективности связей. Вполне очевидна прямая зависимость между размером поселения и уровнем интеграции. Чем больше поселение, тем выше его интегрированность и тем активнее внешние связи.

ВНЕ АКТИВНОЙ СВЯЗАННОСТИ ОКАЗЫВАЮТСЯ, КАК ПРАВИЛО, МАЛЫЕ И СВЕРХМАЛЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ МЕСТА. МАЛЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ОКАЗАВШИЕСЯ ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛАМИ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ КРУПНОГО СОСЕДА, БОЛЕЕ ДРУГИХ НУЖДАЮТСЯ ВО ВНЕШНИХ СВЯЗЯХ, И ИМЕННО ЭТА СВЯЗАННОСТЬ ДАЕТСЯ КРАЙНЕ НЕПРОСТО.

Агломерационные процессы охватывают поселения всех уровней – от малых до самых крупных. Участниками сообществ становятся или относительно подобные, сопоставимые по весу и размерам поселения, или меньшие поселения, собранные вокруг доминантного центрального места. Сообщества или агломерации первого рода часто называют конурбациями, сообщества второго рода считаются «каноническими» агломерациями. Принципиальная разница между конурбациями и агломерациями заключена в пространственной организации: агломерации моноцентричны, имеют очаговую или звездообраз-

ную структуру, конурбации полицентричны и имеют линейную, кольцевую или сетевую структуру.

Размеры агломераций и конурбаций колеблются в самых широких пределах. Условно поделив города на большие, средние и малые, мы можем обнаружить бесконечное разнообразие сочетаний различных по размеру сообществ. Большой город вроде Москвы, выступающий в роли центрального места, обычно окружен центральными местами среднего и малого размера, вроде областных и районных центров, каждый из которых окружен малыми, входящими в его сферу влияния. При этом и средние, и малые поселения могут входить в локальные конурбации, а самое большое центральное место вместе с образующей им агломерацией способны входить в образования еще более высокого уровня.

Крупные городские агломерации, мировые города или сверхгорода, которые так популярны сегодня, не являются конечной целью развития, сходной с коммунистическим городом. Это всего лишь эпизод на пути к следующему, более высоким уровням и этапам пространственной интеграции.

На снимках атлантического и тихоокеанского побережья США, Восточного Китая и Евросоюза, сделанных ночью со спутника, отчетливо видно, как крупные агломерации сливаются в линейные и сетевые гиперконурбации. Самое популярное и внятное описание этого процесса и его этапов почти полвека назад дал К. А. Доксиадис. Крупные городские агломерации были названы им «метрополисами», конурбации из нескольких «метрополисов» «мегалополисами», сочетание нескольких мегалополисов, которое обнаруживается на Европейском континенте, в США и в Китае, Доксиадис окрестил «колоссополисами» а мировой город, охватывающий все континенты, он назвал «экуменополисом».

Оценивая состояние российского пространства по шкале, предложенной Доксиадисом, сравнивая спутниковые изображения РФ и ЕС, можно прийти к выводу, что Россия находится сегодня на первом этапе процесса агломерирования, отмеченного присутствием метрополисов, главными из которых являются столичные, сложившиеся вокруг Москвы и Питера, как правило, и именуемые агломерациями. Оставаясь наиболее развитыми компонентами системы расселения, агломерации-метрополисы вызывают объяснимый интерес, который отчего-то не перерастает в заботу о будущем этих образований, и в представление об агломерации как процессе. Будущее, в лучшем случае, ассоциируется с ростом размеров и числа метрополисов, но не с трансформацией пространства в целом.

Материал, из которого состоят агломерации

Крупные агломерации, метрополисы или мегалополисы, как их часто называют, обычно считаются «городскими», и сердцевина этих агломераций в виде центрального ядра с расходящимися от него лучами, как правило, представляет собой непрерывно и плотно застроенное пространство. И если принадлежность к агломерациям урбанизированных пространств не вызывает споров и сомнения, то отношение к агломерации всего того, что по определению не является городским, остается невыясненным, противоречивым и выглядит в разных местах и странах по-разному. Упорное стремление видеть российские агломерации именно «городскими», а не какими-либо еще, связано с нечетким пониманием природы отличий городского от негородского, т. е. сельского, деревенского, аграрного, природного и т. д., и т. п.

Повышенное внимание к «городскому» – результат устойчивых убеждений, сформировавшихся столетие назад, особо поддерживаемых и культивируемых советской властью. Индустриальный город, агрогород, соцгород,

город-сад, образцовый социалистической или коммунистической город не предполагали альтернатив. Села, деревни и хутора очевидно не вписывались в картину будущего и были обречены на поглощение городом. Идея ликвидации противоположности города и деревни, рожденная классовым, большевистским подходом, трансформировалась на практике в усиление противоположности. Индустриализация за счет деревни и последующая консервация сельского населения только увеличили разрыв, который ощущается по сей день.

Рудименты и отблески этих настроений по-прежнему заставляют все «негородское» считать второсортным, бесперспективным и безнадежно отсталым. Сельское и пригородное строительство, планировка сельских населенных мест и пригородов не считаются чем-то заслуживающим внимания и практически не регулируются. Это состояние не только существенно отличает Россию от окружающего мира, но и означает игнорирование реальности.

Суть этой реальности в том, что на смену городу и деревне пришел средовой континуум, непрерывная цепь зон или сред от высокоплотных и урбанизированных до предельно разреженных. В практике разных стран число таких зон колеблется от трех до пяти, а сами эти зоны, пребывая в теле агломерации, предпочитают находиться в определенной последовательности, то есть произвольно не смешиваться.

Если исходить из того, что отличия города и деревни коренятся в образе жизни, характере среды и правовом статусе, то нетрудно заметить сглаживание этих отличий в пореформенной России и в краткий период НЭПа. Именно в эти периоды начинается выравнивание уровня доходов и доступности услуг без поголовного переезда на ПМЖ в город. Урбанисты начала XX века не могли представить, что спустя несколько десятилетий блага цивилизации двинутся навстречу предполагаемым переселенцам из деревни, и понесут их с собой горожане, становящиеся жителями быстро растущих пригородов.

Образование пригородов повлекло за собой не только стабилизацию большого города и прекращение его стихийного роста, не только изменило лицо и удаленных от города домов и поселений, но фактически и создало агломерацию, простирающуюся от высокоплотных участков с многоэтажной застройкой до природных территорий, сельхозземель и земель лесхозов. При этом большая часть земель поселений, где бы эти поселения не находились, оказываются заняты малоэтажными домами, жители которых выходят из наружных дверей на улицу, а не на общую лестницу.

70% американцев и 60% европейцев живут именно в таких домах, и эти дома составляют еще большую долю жилого фонда, поскольку обеспеченность площадью в доме выше, чем в квартире.

Пригородные территории успешных агломераций отмечены несомненным разнообразием, внутри которого можно выделить две морфологические группы: это малые поселения – «спутники» города, села и деревни с выраженным центром и осязаемыми пешеходными параметрами, пространственно относительно обособленные; и это «сабербия» – обширные территории, застроенные индивидуальными домами, владельцы которых перемещаются на автомобилях до торговых моллов, и где детей в школу возят школьные автобусы.

УДИВИТЕЛЬНО, ЧТО РОССИЙСКАЯ СИТУАЦИЯ, ВОПРОКИ ЖЕЛАНИЮ НАЧАЛЬСТВА ПЕРЕСЕЛИТЬ ВСЕХ В КВАРТИРЫ, НЕ СИЛЬНО ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ СИТУАЦИИ В АМЕРИКЕ ИЛИ ЕС. СОБСТВЕННЫМИ ДОМАМИ И ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ СЕГОДНЯ ВЛАДЕЕТ БОЛЬШИНСТВО НАШИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, СРЕДИ КОТОРЫХ НЕ ТОЛЬКО 20% СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛИ, НЕ ТОЛЬКО 20–25% ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА

И МАЛЫХ ГОРОДОВ, НЕ ТОЛЬКО ЖИТЕЛИ ПРИГОРОДОВ, НО И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ГОРОЖАНЕ, ИМЕЮЩИЕ ДАЧИ, САДОВЫЕ И ОГОРОДНЫЕ УЧАСТКИ. ПРИ ЭТОМ ВСЕ БОЛЕЕ ПОПУЛЯРНЫМ КАК В РОССИИ, ТАК И СТРАНАХ-ЛИДЕРАХ С БОЛЕЕ РАЗВИТЫМ РЫНКОМ ЖИЛЬЯ И БОЛЕЕ ВЫСОКОЙ ПОДВИЖНОСТЬЮ НАСЕЛЕНИЯ СТАНОВИТСЯ ТОТ ОБРАЗ ЖИЗНИ, КОТОРЫЙ, НЕ ЯВЛЯЯСЬ ГОРОДСКИМ И СЕЛЬСКИМ, ПРЕДПОЛАГАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЕ В ДВУХ СРЕДАХ.

Люди предпочитают иметь квартиру в городе, а затем переезжать в пригород или жить в пригороде, а работать и развлекаться в городе. Связанность разных сред и «гибридный» образ жизни становятся более очевидной особенностью и признаком агломерации, чем однаправленная и не вполне определенная урбанизация. Этот вывод подтверждается исходом из больших городов промышленных производств и мест приложения труда, учебных заведений, исследовательских институтов и прочих «градообразующих» сил и объектов, часто чувствующих себя более уверенно за пределами большого города.

Если принадлежность к агломерации пригородов, даже не будучи вполне осознанной, не вызывает особых сомнений и возражений, то относительно удаленные малые города, деревни и хутора рискуют не только оказаться вне агломерации, но и лишиться сколь-либо внятных перспектив, став кандидатами на ликвидацию в процессе управляемого сжатия и достижения желаемой компактности. Не менее актуальна тема принадлежности к агломерации территорий сельхозназначения, рекреационных зон, природных территорий, зон разработки полезных ископаемых и т. д.

Ответ прост. Если агломерация есть нечто самодостаточное, то есть объединяющее весь рукотворный, культурный, созданный человеком мир, и ее границы совпадают с границами сохраняемого нами природного комплекса, то налицо некая система, сложная и разнообразная. Если агломерация собирает лишь избранные, например, урбанизированные земли поселений, то налицо еще один умозрительный географический феномен. За отрицанием будущего у малых поселений, деревень и хуторов стоит непонимание простой истины, что неагломерированных населенных мест в современном мире нет. Есть отсутствие современной инфраструктуры. Агломерация безразлична к материалу, которым заполнено ее пространство, урбанизирован или не урбанизирован тот или иной ее участок.

Собственно инфраструктурная обеспеченность и есть признак агломерации, полностью снимающий столь же упорные, сколь и бессмысленные попытки определения границ агломераций. Границы агломераций носят договорной характер, их можно назначить исходя из часовых или полтора-двухчасовых изохрон, можно сделать это опираясь на границы муниципалитетов, вступивших в соглашение о совместном развитии инфраструктуры, но твердо устанавливаемых границ, наподобие границ города или региона, у агломераций нет и быть не может. Агломерации – открытые системы расселения, а их границы представляют собой пространственные континуумы, широкие транзитные переходы или пояса, идущие от города к негороду. Границы встроены в ткань агломерации. И главная проблема агломерации в том, что ими стремятся управлять как «сверхгородами», не признавая принципиально иной природы явления; и пока эта природа не будет раскрыта и понята, пока не возникнут адекватные ей инструменты управления, все действия будут напоминать бег за уходящим поездом.

Агломерации: доноры и вампиры

Рост большого города, сопровождаемый поглощением окружающих его малых собратьев, и объединение поселений внешне сходны, но по сути – глубоко различны.

Большой, сверхбольшой город-интроверт, или агломерация-«вампир», обычно противостоит окружению, кажется островом благополучия в океане неопределенности и неустроенности. Эти агломерации принято сравнивать с масляным пятном, нерасчлененной, сплошь застроенной поверхностью. Постоянное расширение за счет вытягивания ресурсов из окружения и деградации окружения – форма выживания и существования образований такого рода. Интровертное состояние, пребывание в роли вампира и захватчика переживали почти все крупные города. Однако Лондон, Париж, Нью-Йорк, бывшие еще век назад центрами промышленности и торговли, в которые стремились все, кому не лень, стали постепенно менять стратегию развития, становясь центрами агломераций – экстравертами или донорами, не только вбирающими ресурсы, но и отдающими, делящимися ресурсами, материальными и человеческими. Основой этих процессов становятся интенсивное инфраструктурное развитие, которое не наблюдается вокруг агломераций-вампиров. В агломерациях-донорах более отчетливо читаются отдельные их компоненты, их пространство дифференцировано и расчленено на части, они склонны развиваться от моноцентричности к полицентричности, к конкуренции и взаимодополняемости центров. Формой существования и гарантией успеха доноров становится внешняя активность и повышение внутренней связанности, то есть интеграция.

Агломерации-вампиры, несмотря на гигантские размеры, не становятся мировыми лидерами и остаются главными на своей национальной территории. Население таких агломераций обычно четко делится на богатое меньшинство и бедное большинство. Эти образования, часто поражающие своей массой, обречены на доминирование и одиночество. У Джакарты, Лагоса и Мехико нет конкурентов, а у стремящихся к лучшей жизни жителей страны нет выбора. Растущий разрыв доступности услуг и уровня доходов между провинцией и столицей привлекает все новых и новых мигрантов на ПМЖ. Расширяющиеся периферийные пояса такой агломерации становятся вмещалищем трущоб, гетто и депрессивных районов. Инфраструктурное отставание, неблагоприятная экология и хронический дефицит жилья – характерные, но не единственные встречающиеся здесь болезни.

Экономика вампиров опирается на дешевую избыточную неквалифицированную рабочую силу, занятую часто в теневом сегменте, на административный ресурс и контроль над финансовыми потоками страны, над налогами и рентой того или иного свойства. Вопреки убежденности отечественных урбанистов том, что крупные городские агломерации обязаны автоматически производить некий высокоинтеллектуальный и инновационный продукт, вампиры специализируются на заимствованиях и имитациях, а огромная численность их населения вовсе не гарантирует его подготовленность к интеллектуальным производствам и прорывам.

Агломерации-«вампиры» являются, как правило, итогом стихийного неуправляемого и нерегулируемого процесса, а реакция на происходящее со стороны властей сводятся чаще всего к попыткам установления формальных границ и малоэффективных запретов.

Агломерации-доноры, в отличие от вампиров, реже оказываются в роли столиц. Нью-Йорк, Сидней, Роттердам, Торонто, Франкфурт, Шанхай и т. п. гиганты не нуждаются в административных полномочиях и не избегают конкуренции. Это «ворота», а не «мешки». Сквозь них, при их участии, поверх любых границ текут потоки продуктов, услуг и людей. Именно здесь в процессе естественной конкуренции складываются и отрабатываются особого рода инновации, которые можно назвать новыми стандартами жизни. Это не великие открытия физиков

и биологов, не прозрения художников и поэтов, многие из которых предпочитают уединение. Это «дары цивилизации» – все то, что формирует и совершенствует среду жизнедеятельности. Это большие и малые новшества и изобретения в медицине и торговле, в обучении и домашнем хозяйстве, в индустрии развлечений и офисной жизни.

Объединяющие самые разные среды и поселения, агломерации в состоянии обеспечивать связанность и сбалансированность компонентов, их взаимодополняемость. Это состояние относительного равновесия вполне уживается с постоянным развитием и изменениями, со способностью генерировать, накапливать и обменивать значительные материальные и нематериальные ресурсы, поддерживая состояние интенсивного саморазвития.

Агломерации-«доноры» обычно имеют четко выстроенный коммуникационный каркас, простирающийся до самых, казалось бы, удаленных точек. При этом удаленные от центров агломерации точки, как правило, оказываются в сфере влияния другой агломерации, извлекая несомненную выгоду из своего приграничного положения. Агломерации-«доноры» свободно движутся навстречу друг другу, одновременно сотрудничая и соперничая в борьбе за новых резидентов. Располагающие и большими возможностями выбора, и большей мобильностью, их резиденты, часто меняющие место жительства и привычные к регулярным перемещениям, движутся разнонаправленно по самым разным траекториям как в сторону центрального места, так и в противоположные стороны.

Основная масса населения этих агломераций принадлежит среднему классу, а предпочитаемый им для проживания ближний и дальний пригород нередко превосходит центральное место по показателям цена-качество. Судьбы больших городов, как известно, решаются за их пределами. Смысл и принципом «донорской модели» агломерационного развития является не только усиление центрального места, но и достижение баланса между успешной и благополучной сердцевиной и менее благополучным окружением.

Создание единого агломерационного пространства предполагает выравнивание условий жизни в Москве и в столицах окружающих регионов, в Московской области и в сопредельных областях. Доступность качественных услуг, сопоставимая оплата за равный труд, компенсация удаленности от столицы разумной ценовой и налоговой политикой, преимуществами комфортности проживания в пригородном окружении и т. п. Столица в собственных интересах и в интересах сохранения национального пространства должна способствовать развитию регионов, начав, например, создание за пределами своих границ сети предприятий, больниц, ВУЗов, театров и музеев, сопровождающих агломерационный каркас.

Развитие агломерации, предполагающее доступность в любой их точке базового набора необходимых и качественных услуг, положило конец извечной вражде мирового города с мировой деревней, связало город и деревню в единое целое, предложив жизнь вне привычных границ, в иной реальности, которую принято называть системой расселения.

Правда в том, что агломерации способны стать и принадлежностью светлого будущего, и проклятием. А потому не вполне правы те, кто считает, что любая агломерация – благо, некое свалившееся на нас счастье, не требующее и не предполагающее никаких усилий, подарок судьбы, которым следует лишь воспользоваться.

Разумеется, жесткое деление агломераций на «доноров» и «вампиров» носит условный характер. Каждая из агломераций неповторима и наделена признаками

одного и другого свойства. Таковы сегодня российские агломерации, таковы Шанхай и Мумбай, еще недавно бывшие очевидными вампирами, но, как свидетельствует их опыт и опыт Лондона середины XIX века, упрек в вампиризме – не приговор. Агломерации способны менять свою природу и становиться донорами.

Агломерации и территории

Если на ночных снимках со спутника созданный человеком мир предстает непрерывной сетью коммуникаций и узлов, то на политических картах мы видим покрашенные в разные цвета пятна территорий с четко очерченными границами и кружочками городов, локализация которых практически совпадает с локализацией светящихся узлов. В зависимости от избранного «фильтра» одна и та же реальность предстает или открытой трансграничной агломерацией, или совокупностью закрытых территориальных единиц. Территории со своими центрами и столицами – антиподы, оппоненты и конкуренты агломерациям. Территориальные образования старше по возрасту, имеют привычные, понятные традиционные институты управления, они строго иерархизированы и имеют складывавшиеся столетиями отличительные особенности. Территориальные образования, которые можно условно поделить на общенациональные, региональные и местные, стремятся к завершенности и законченности. Они статичны и консервативны, ревниво оберегают свои границы и крайне болезненно реагируют на режущие территории транзитные магистрали. Территориям чужда хозяйственная ограниченность и жесткая специализация. И «отдельное» домохозяйство, и большая страна стремятся к относительной самодостаточности и многофункциональности, к тому, чтобы стать комплексами, способными гарантировать «сбережение народа», то есть обеспечить всем самым необходимым территориальное сообщество, будь то семья или целая страна.

Территория развивает локальные транспортные системы, локальные системы инженерного обеспечения, инженерной защиты и обработки отходов. Территориальная экономика ориентирована на внутренний рынок. Ее основные акторы – малый и средний бизнес, основная цель – обеспечение повседневного спроса, основные отрасли – сельское хозяйство, строительство и местная промышленность. Их доля производства внутри ВВП весьма скромна, но их роль в обеспечении благополучия и безопасности территории оказывается решающей.

Локальные рынки труда, работа в домашнем хозяйстве, на своем участке земли, в местной школе, в местной поликлинике или больнице не утрачивают популярности и привлекательности для большинства занятых. Жизнеспособность и устойчивость локальных рынков, локальных экономик поддерживалась и поддерживается присутствием обширного гаражно-огородного сегмента, не очень производительного и «серого», зато гибкого и успешно выполняющего роль демпфера, компенсатора, гасящего многие негативные воздействия со стороны большой экономики, включая экономику сельского хозяйства.

ОСНОВОЙ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, РУДИМЕНТЫ КОТОРОЙ СОХРАНИЛИСЬ ПО СЕЙ ДЕНЬ, БЫЛИ МАЛЫЕ УЕЗДНЫЕ И СРЕДНИЕ ГУБЕРНСКИЕ ГОРОДА, ОКРУЖЕННЫЕ СЕТЬЮ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, БОЛЬШИХ И МАЛЫХ ДЕРЕВЕНЬ С ОБЩИНЫМ УКЛАДОМ. ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА, ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕСТНОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СПОСОБСТВОВАЛИ БЫСТРОМУ ПОДЪЕМУ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ГОРОДА.

Затеянная Столыпиным аграрная реформа предполагала повышение продуктивности сельского хозяйства, изменение системы расселения и рынка труда, развитие

кооперации, местной промышленности, формирование устойчивых региональных социально-хозяйственных комплексов и освоение внешних рынков. Случись все так, как задумывал Столыпин, российская система расселения, возможно, была бы избавлена от многих нынешних дисбалансов и напоминала бы нечто сложившееся в пространстве таких «новых» стран, как США, Австралия или Канада. С появлением машин сельскому хозяйству уже не требовалось прежнее количество рабочих рук. Руки перемещались в промышленность и торговлю, а деревня стала постепенно замещаться более продуктивными фермерскими хозяйствами. Коллективизация положила конец этому процессу, ликвидировала фермерство, превратила оставшиеся сельские общины в колхозы и совхозы и на долгие десятилетия законсервировала практически дореформенное состояние и деревни, и сельского хозяйства. С ликвидацией рынка и кооперации распалась связь малого города и его сельского окружения, малый город оказался не у дел, о нем попросту забыли. Все планы властей связывались отныне с новым городом-заводом, который не столько обменивался с деревней, сколько пользовался ее ресурсом.

Новая Россия, выбирая между разнообразием, в котором представлены и малые фермерские хозяйства, и крупные агрохолдинги, выбрала холдинговое разнообразие, невзирая на свидетельства высокой эффективности фермерских хозяйств. Итогом этого стали господство близких холдингам крупных сетевых компаний, резкое сокращение количества и размера сельских населенных мест из числа тех, что могли бы поддерживать слабеющие региональные внутренние рынки. И сельскохозяйственные холдинги, и крупные торговые сети тянутся к большим городам, опираются на большой город и поддерживаются им.

Если трагедия умирающих деревень – результат распада локальных комплексов и внутренних рынков, то трагедия моногородов, они же «новые» города и «города-заводы», в том, что они, не став частями и участниками региональных, местных, локальных комплексов, утратили внешние отраслевые связи. Узкая специализация моногородов, жестко встроенных в закрытые технологические цепи, оказалась принципиально отличной от той специализации, которая складывается в итоге конкуренции и открытого многовекторного и разнонаправленного рынка.

Специализация, монопрофильность региона и города сами по себе не являются ни чем-то исключительным, ни, тем более, неким приговором. Более устойчивыми являются поселения, опирающиеся на уникальные культурные или природные ресурсы, включая месторождения полезных ископаемых или источники минеральных вод, и поселения, ориентированные на «человеческие» индустрии: отдых, развлечения, образование, здравоохранение. Рискованными становятся искусственные, навязанные или случайно обретенные специализации, связанные с приходом в город или регион налогового резидента в лице крупного государственного или частного предприятия, полностью контролирующего хозяйственную и общественную жизнь, подавляющего местный малый и средний бизнес.

Земледелие, сельское хозяйство и сопровождающая его деятельность были и остаются основой культуры, экономики и безопасности, поддерживаемые усилиями государственной власти многих стран. Логика проста: хотя айфоны стоят все дороже и обеспечивают все большую прибыль, без них можно обойтись, а без хлеба, который стоит много меньше, без культуры его производства обойтись нельзя.

ТЕРРИТОРИИ – ХРАНИТЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ И ПРИРОДНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПАМЯТНИКОВ И ЛАНДШАФТОВ, ОЩУЩАЕМЫХ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДО-

СТОЯНИЕМ И ИМЕЮЩИХ ЧЕТКУЮ ЛОКАЛИЗАЦИЮ. СИМВОЛИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ МЕСТА – ЭТО ГЛАВНОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ПРОТИВОСТОИТ ПОГЛОЩЕНИЮ ТЕРРИТОРИЙ, ИХ РАСТВОРЕНИЮ В АГЛОМЕРАЦИЯХ-ВАМПИРАХ.

Бежать от агрессивного окружения, остаться наедине с природой, укрыться – для человека столь же характерно, как и стремление жить в плотном насыщенной культурном мире. Распространенная, глубоко укорененная в человеке склонность к эскапизму, закрытости и самоизоляции – воспоминание о доагломерационной эпохе, о натуральном хозяйстве и той жизни, которой продолжают жить многие этнические группы и народы Сибири и российского Севера, труднодоступных горных районов и других подобных мест. Новыми временными эскапистами становятся как обитатели по-разному удаленных садово-огородных участков, дач и коттеджей, детских и туристических лагерей, так и жители вахтовых поселков или военных баз. Все они не утрачивают связи с внешним агломерированным миром и в корне отличны от вынужденных изолятов и эскапистов, лишенных как устойчивых внешних связей, так и локальной обеспеченности. В роли таких изолятов выступают депрессивные деревни, малые исторические и моногорода, приговоренные к управляемому сжатию.

ИСХОДЯ ИЗ ТОГО, ЧТО ЭТИ ПОСЕЛЕНИЯ – НЕ ПРОСТО ОТРАБОТАННЫЙ МАТЕРИАЛ, НО СОЗДАННЫЕ ОГРОМНЫМИ УСИЛИЯМИ ЦЕННОСТИ, ЗА СОСТОЯНИЕ КОТОРЫХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСЕТ СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, БЫЛО БЫ РАЗУМНЕЕ ВМЕСТО ПРОСТРАНСТВЕННОГО СЖАТИЯ ПРЕДЛОЖИТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ РЕАБИЛИТАЦИИ, РЕВИТАЛИЗАЦИИ ИЛИ РЕНОВАЦИИ. СУТЬ ЭТОЙ ПРОГРАММЫ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ИНФРАСТРУКТУРНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ПОСТЕПЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ ЖИЗНЕННОГО УКЛАДА ДЕПРЕССИВНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ВОЗРОЖДЕНИИ. БОЛЬШИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ДОЛЖНЫ ПОНЯТЬ, ЧТО В ОБЩИХ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ИНТЕРЕСАХ ВЫГОДНО ДЕЛИТЬСЯ С МАЛЫМИ СОБРАТЬЯМИ И НАЧАТЬ ОТДАВАТЬ ИМ НАКОПИВШИЙСЯ ДОЛГ.

Агломерации – явление новое, недавно осознанное и возникшее на фоне послевоенной глобализации и транснациональных процессов. Агломерации – это материальное воплощение развивающихся, растущих, агрессивных рынков труда, жилья и услуг. Успех на этих рынках обеспечивают специализация, профессионализация, разделение труда, которые приводят к появлению и усилению крупного отраслевого бизнеса. Большой бизнес чувствует себя уверенно именно в агломерированном, открытом пространстве, и само это пространство создается в первую очередь его усилиями. Только большому бизнесу, объединившемуся с государством, под силу создание огромных многофункциональных и мультимодальных коммуникационных узлов, составляющих основу крупных агломераций. И если внутри территории ведущее системообразующее место принадлежит неким эмоциональным, историческим очагам, центрам власти и местам собраний, то основой агломераций, ее центральными местами становятся города-ворота, портовые города, города-перекрестки, сквозь которые в разных направлениях текут потоки людей, грузов и информации.

Если сравнить территориальные комплексы с домами, агломерации с улицами и площадями, то станет понятно: одно без другого не создает полноценное целое. Сборочной площадкой, на которой встречаются территориальные и отраслевые комплексы, открытые и закрытые, локальные и транснациональные интересы, становится одно и то же пространство, нуждающиеся в гармоничных и сбалансированных отношениях всех его обитателей и компонентов.

Управление агломерациями: градостроительство и градоустройство

Если управление пространством регионов и городов, которым человечество занимается не одно столетие, далеко не всегда бывает результативным и эффективным, то управление агломерациями, которые оказываются и более сложными, и менее понятными объектами – дело относительно новое и в России не освоенное.

Сложности начинаются с выяснения того, что есть управление пространством, каковы его инструменты, средства и методы. В течение всех семидесяти лет Советской власти управлением пространством и его развитием занимались градостроители, которые радикально меняли окружающий мир, руководствуясь вполне определенными представлениями о том, каким ему надлежит быть. Как выяснилось в период перестройки, эти представления носили утопический характер, то есть не всегда совпадали с интересами граждан и жизненными реалиями. Спустя некоторое время претензии на право управлять городом, его пространством стали проявлять носители «успешных мировых практик» – лица, называющие себя урбанистами и те, кто настаивал на замене градостроительства градоустройством, противники больших проектов и преобразований, сторонники «умного города», малых дел, рыночных регуляторов, прямого участия граждан в принятии решений, работы в пределах освоенных территории и строгих границ. Спор градостроителей и градорегулировщиков при ближайшем рассмотрении оказывается недоразумением, которое стало возможным в связи с отсутствием или деградацией научного знания о городе, о культурном пространстве, и неспособностью правильно оценить существующее положение, выстроить адекватную картину будущего, наметить программу или шаги, оценить их последствия, выстроить механизмы обратной связи и т. п.

Управленческие действия можно поделить на радикальные, развивающие – или градостроительные, и обеспечивающие устойчивость, равновесие, гомеостаз – градорегулирующие. Если смириться с фактом, что российские города за годы застоя и последующий за ним сложный период преобразований отстали в своем развитии от европейских городов, городов юго-восточной Азии, прошедших за это время через сложнейшие градостроительные преобразования, то было бы справедливо, соотнося и сравнивая себя с соседями, ожидать и также готовить радикальные шаги. Однако вместо того, чтобы изучать опыт США шестидесятых и семидесятых, Евросоюза семидесятых и восьмидесятых и Китая девяностых, игнорируя видимые различия, многие продолжают изучать и копировать опыт сегодняшнего посткризисного регулирования преобразованным, обновленным пространством.

Регулирование не заменяет строительство и не дает того эффекта, который обеспечивается созданием современной инфраструктуры, столь необходимого жилья и появлением новых рабочих мест. Незрелому, неисследованному, неорганизованному, непонятому пространству не помогут самые современные цифровые сервисы и умные средства регулирования. Иными словами, переход к градорегулированию предполагает возвращение к градостроительству.

Градостроительство нуждается в планах и картах, изображениях и имеет дело с физическими реалиями. Градорегулирование работает с правилами, процедурами и словами. Градостроительство состоит из отдельных актов и руководствуется конечными целями. Градорегулирование являет собой непрерывный процесс эксплуатации построенного, вплоть до момента, когда необходимо строить нечто новое или реконструировать

старое. Градостроительство опирается на генеральные планы, градорегулированию ближе правила землепользования и застройки. Градостроительство озабочено созданием инфраструктуры, надежного транспортного каркаса, градорегулирование отвечает за наполняющую этот каркас ткань.

Стремление сгладить разрыв между градостроительством и градорегулированием нашло отражение в концепции устойчивого развития, суть которой в достижении баланса и исключении противоречий. Устойчивое развитие родственно системному подходу, всесторонним оценкам и комплексным действиям, тому, что в корне отлично от практики импровизации, спонтанных, трудно предсказуемых, фрагментарных, управляющих воздействий, плохо связанных с прошлым и с будущим.

Управление пространством – это «игра вдолгую», обязанная опираться на понятную стратегию, которая не может меняться и в которой необходимо различать градостроительство и градорегулирование. Это управление не может быть ручным, ситуативным, по месту или в интересах отдельных групп или лиц.

ПАРАДОКС РОССИЙСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В ТОМ, ЧТО, БУДУЧИ ОДНИМИ ИЗ САМЫХ УПОМИНАЕМЫХ И ЛЮБИМЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗА О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ, ОНИ НЕ УПОМИНАЮТСЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ОБЪЕКТОМ ИССЛЕДОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ. РОССИЙСКИЕ АГЛОМЕРАЦИИ БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ СТИХИЙНО СКЛАДЫВАЮЩИМИСЯ ОБРАЗОВАНИЯМИ СО СКЛОННОСТЬЮ К МОНОЦЕНТРИЗМУ, ТО ЕСТЬ ДОМИНИРОВАНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО МЕСТА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПЕРИФЕРИИ.

Позитивные управляющие воздействия могут быть направлены как на постепенное превращение агломераций-вампиров в доноров, так и на создание новых агломераций на основе ранее разобщенных поселений. В первом случае речь может идти о диверсификации функций центрального места, например, о создании в центрах областей, окружающих Москву, новых узлов и центров, достойных мест занятости людей, избавленных от необходимости постоянных миграций, способных изменить локальные рынки услуг и налоговую базу регионов. Второй случай иллюстрируется примером линейного скандинавского мегалополиса, собирающегося пройти от Осло до Копенгагена, вобрать в себя несколько миллионов жителей, значительное число компаний и бросить вызов другим агломерациям. Главным инструментом развития такого рода становится система высокоскоростных магистралей, интегрированных с локальными сетями коммуникаций. Характерно, что в обоих случаях градостроительство и градорегулирование оказывается тесно связанными, играя свои роли и следуя своим целям.

Реальные размеры компонентов и структура агломераций, определение того, что есть агломерация, а также практики управления ими в разных странах мира существенно различаются. Общим является стремление не столько ограничить пространство таких систем, сколько добиться определенности в отношении пула участников процесса управления и их полномочий.

Агломерации, как правило, управляются совместными усилиями верха и низа, муниципалитетов, бизнеса и центральной исполнительной власти, то есть всеми причастными к делу субъектами. При этом в разных странах и в разных обстоятельствах степень влияния и уровень ответственности разных структур оказываются различными. Тем не менее, природа агломераций такова, что само их существование зависит не столько от территориальных, локальных структур, сколько от структур, соединяющих их – трансрегиональных и трансмуниципальных. Управление агломерациями ближе к управлению сетевыми, инфраструктурными объектами и отраслями

хозяйства, а успех агломерирования зависит от согласованности, эффективности совместных действий, открытости большого бизнеса, отраслевых госкорпораций и министерств, то есть всех тех, кто несет ответственность за создание общенационального коммуникационного каркаса. Сегодня судьба российских агломераций, судьба процесса агломерирования напрямую связана с избавлением от хронической инфраструктурной болезни, от качества принимаемого Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры. Это задача непосильна низам и муниципалитетам и не относится к их компетенции. Муниципалитеты, органы местного самоуправления, склонные к проведению политики градорегулирования, отстаивающие интересы территорий, приступают к сотрудничеству с соседями, когда магистрали уже проложены и процесс инфраструктурного развития запущен.

Агломерации и стратегия пространственного развития

Из 17,5 миллионов квадратных километров, занимаемых Российской Федерацией, условиям постоянного успешного проживания соответствует четверть или треть этих земель, то есть около 5 миллионов, протянувшиеся сужающейся полосой от Русской равнины на западе до Дальнего Востока. Пространство российского Севера и приравненных к нему территорий принципиально отлично по характеру освоения от обжитых и более населенных территорий, охватывающих Север с Запада и Юга. Плотность населения северных территорий, число и размер населенных мест, тип этих мест, их отношения друг с другом и перспективы развития несовместимы ни с рождающейся агломерационной моделью, ни с более привычной территориальной моделью.

ДВУХЧАСТНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА, ПРИСУТСТВИЕ ОГРОМНЫХ, ПРАКТИЧЕСКИ НЕ НАСЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ, ОТЛИЧАЕТ РОССИЮ ОТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И РОДНИТ С КИТАЕМ, СТРАНАМИ НОВОГО СВЕТА ВРОДЕ США, КАНАДЫ, БРАЗИЛИИ, АРГЕНТИНЫ И ДАЛЕКОЙ АВСТРАЛИЕЙ. ПРИ ЭТОМ РУССКИЙ СЕВЕР САМ ПО СЕБЕ РАСПОЛАГАЕТ НЕСРАВНИМО БОЛЬШИМИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМИ И СЫРЬЕВЫМИ РЕСУРСАМИ, ЧЕМ ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ, АВСТРАЛИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ, ПРИПОЛЯРНАЯ КАНАДА, УДАЛЕННЫЕ ОТ ПОБЕРЕЖЬЯ ТЕРРИТОРИИ АРГЕНТИНЫ, БРАЗИЛИИ И СРЕДНЕГО ЗАПАДА США.

Российский Север располагает не только уникальными запасами ископаемых, огромным энергетическим потенциалом, но и естественной системой транспортных коммуникации, состоящей из Северного морского пути, соединяющего по кратчайшему расстоянию Европу с Азией и Америкой, и сети сибирских рек, связывающих северные территории России с заселенным южным коридором.

Территориальному устройству Севера, за исключением ареалов проживания малых народов, небольших замкнутых этнических групп, как правило, не знакомы устойчивые долговременные местные муниципальные сообщества, радеющие за благополучие и процветание своей земли, стремящиеся к созданию полноценных завершенных социально-хозяйственных комплексов. На Севере не возникает и тот тип инфраструктуры, который ведет к образованию агломераций. Связи с ближайшими соседями оказываются менее важными, чем в связи с метрополиями, социальные связи менее весомыми, чем хозяйственные. Северные поселения отличает выраженная монопрофильность. Это моногорода, но моногорода, существующие лишь в отведенное им время, проживающие, подобно полярным базам и станциям, отведенные им судьбой жизненные циклы. Жители этих городов могут быть преданы своему делу, профессии, предприятию, бизнесу, могут быть любителями приклю-

чений и романтиками дальних странствий, но из них не вырастают старожилы, аборигены и патриоты.

Освоение Севера, северное расселение следует колониационной, вахтовой или эксплуатационной модели, которую советская власть старалась заменить на модель, установленную для районов с более благоприятным климатом, предполагающую постоянное проживание устойчивых сообществ. Эпитет «колонизаторский» отсылает в данном случае не к опыту порабощения свободолюбивых народов Африки и не намекает на взаимосвязь с неправительственными учреждениями, а указывает на тип пространственного поведения, характерный для освоения космоса, мирового океана, необитаемых земель, наконец, удаленных пастбищ, лесозаготовок и месторождений полезных ископаемых. Речь идет о зависимых, несамодостаточных, очаговых образованиях, располагающихся, как правило, не группами, а дискретно, на значительном расстоянии друг от друга. Окружающая земля, территория, ее ресурс являются главным источником и условием существования этих поселений. Собственно человеческий потенциал таких мест – вторичен, а их судьба пребывает в руках бизнеса и отраслевых министерств. Но Север – это не только огромная промзона, гигантское место приложения труда с отчетливой сырьевой специализацией, но и экологический заповедник, природная территория, которая нуждается в особой индустрии сохранения и рекультивации природных ресурсов, обеспечивающих жизнь для новых, следующих поколений.

Система расселения Российской Федерации, как и ряда других, относительно молодых стран мира, складывается из двух тесно взаимосвязанных подсистем, предполагающих, в одном случае, постоянное, в другом – временное присутствие людей. Агломерации и агломерационные процессы определяют в конечном счете содержание лишь одного из двух равнозначных слоев (агломерационного и территориального), одной из двух подсистем российского пространства.

Взвешенный, системный и здравый взгляд на происходящее, естественное стремление к сбалансированности и устойчивости способны, в конечном счете, преодолеть странную увлеченность агломерациями и представление об их доминантности и универсальности.

Литература

1. Стратегия пространственного развития РФ до 2025 г.
2. Doxiadis C. A. *Anthropopolis: City for Human Development*. – York: W. W. Norton, 1974
3. Глазычев В. Л. *Город без границ*. – Москва: Территория будущего, 2011
4. Лаппо Г. М. *География городов*. – Москва: Владос, 1997
5. Боков, А. В. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – Сс. 112–124

References

- Bokov, A. (2018). On the Spatial Development Strategy. Project Baikal, 15(57), 112-124. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1367>
- Doxiadis, C. A. (1974). *Anthropopolis: City for Human Development*. York: W. W. Norton
- Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granits [City without borders]*. Moscow: Territoriya budushchego.
- Lappo, G. M. (1997). *Geografiya gorodov [Geography of cities]*. Moscow: Vlados.
- Strategiya prostranstvennogo razvitiya RF do 2025 g. [The Strategy of Spatial Development of the RF until 2025].